

Любовь, политика и скука

ПЕРЕКЛЮЧАЕМ КАНАЛЫ

Неделя выдалась рядовой, если судить о ней по текстам телепрограмм, опубликованных в газетах. Чтение этих газетных листов составило одну из любопытных акций телезрителя, который хотел обнаружить что-то нетривиальное, новое, своеобразное. Ну, и смогли... Если же судить по выпускам новостей, по некоторым акцентам и переплетениям ситуаций, неделя была насыщена политическими событиями немалой значимости. Однако и эти политические всплески были столь же сухими и скучными в их телевоплощении, как бумажные листы, предварявшие экранные акции. Разве что только любовь...

Первый канал, как всегда, впереди остальных. Бесконечно завершающуюся и возникающую из собственного пепла телевизионную птицу Феникс демонстрируют под названием «Две судьбы» — про одинаково достойных, но по-разному использовавших свои шансы наших женщин, не слишком счастливых именно в любви. Роковой, со жгучим этническим налетом сериал «Талисман» (а где еще талисман нужен, как не в любви?). Апофеоз изобретательности как с точки зрения названия, так и с точки зрения сюжета и подбора актеров — «Любовь как любовь». Каналу бы кастинг объявить не актерский, а «текстовый», поскольку такое название нужно было долго пестовать, обкатывать, редактировать и получить наконец редкостное по уникальности, много говорящее уму и сердцу публики; они бы еще усилили канцелярский стиль, назвали «Любовь как таковая» — и эффект отторжения был бы достигнут в полной мере.

Поскольку Первый — он во всем первый, то в субботу порадовал еще одним раритетом, достойным Шекспира. Прочитав первую часть названия передачи — «Любовь и власть», я поняла, что речь пойдет о «Гамлете», в край-

нем случае — о «Макбете» с неопишущим переплетением властолюбия и того, что сегодня принято называть сексом. Но нет, Шекспир отдыхает, поскольку название передачи имеет и вторую часть: «Рональд и Нэнси Рейган». Иными словами, вместо Шекспира — Голливуд, вместо страстей — розовый сироп, которому только и место в дневном субботнем эфире, между программами о здоровье и звездах, причем не небесных, а банально-земных.

Ну, телеканалу «Домашний» самой судьбой велено любовными историями развлекать публику: в пятницу — довольно старый советский фильм «Любовью за любовь», а следом — обкатанный одним из главных каналов и теперь утилизированный импортный сериал про тяжелую эмигрантскую долю итальянцев в чужом полушарии «Земля любви». Малопопулярный ТВЗ с невнятным анонсом относительно мелодраматических перипетий пообещал в воскресенье нечто под названием «С любовью, Лиля», а накануне под псевдонимом «Домашний арест» анонсировал историю о реанимации любви между родителями драконовскими подростковыми средствами.

Читая программу, можно было обнаружить на некоем

канале ТВ 21 троекратный повтор «Капкана любви», на столь же недоступном нам канале ТВ 1000 нечто под названием «Любит — не любит», а по ТВЦ передачу о знаменитой певице Изабелле Юрьевой с редкостным названием (хорошо хоть — цитатой из душещипательного романа) «Я так любила Вас...».

Канал «Россия» не отстает от собратьев на любовном фронте. Днем по будням — авось сойдет, думают, а поскольку время рабочее, то и я не увидела — предлагает сериал с завлекательным названием «Любовь моя». Следом фигурируют густо замешенные на любовных интригах истории из жизни придуманных девочек шоу-бизнеса «Обреченная стать звездой» и придуманных роковых дам «Волчица».

Ну, ужели прав был Чехов, ругавший неизобретательных писателей, которые знают для своих персонажей только два финала: либо застрелись, либо женись? Очевидно, если «женись», это про любовь, а если «застрелись» — это про политику. По крайней мере, в версии современного российского телевидения.

Застрелиться или хотя бы испытать серьезные катаклизмы в течение прошедшей недели могли многие политики. А на телевидении — сплошная толерантность.

Ну, понятно, про умершего в Гааге экс-президента Югославии согласно традиции говорилось «ничего», поскольку «хорошо» было бы уж очень странно. Поэтому, скажем, репортаж Первого канала о процедуре его похорон был построен на таких частностях и деталях (кто понесет гроб, по какой улице родного города покойного движется скорбная процессия), что о политической оценке судьбы и деятельности человека говорить вроде бы и не нужно было. Как на

частностях и деталях строились репортажи с заседаний нашего правительства, решавшего вопросы нашей с вами экономической жизни.

Формат осторожной и малосодержательной информации был избран и для сообщений о выборах президента Беларуси: ни «картинок», ни высказываний представителей разных политических групп, тем более — иностранных наблюдателей. Даже о готовившихся террористических акциях сообщали столь невнятно, что ни паники, ни сочувствия, ни даже традиционной иронии публика испытать не сумела, лишь в воскресенье, после голосования, реплика действующего президента.

Наконец, третий политический вектор, Франция с ее студенческими волнениями, была также показана скупо и осторожно. И правильно: ведь в России уже объявлено о более чем 10-процентном сокращении набора студентов на бюджетное обучение, готовится закон о призыве в армию студентов, буйно и безнадежно сокращается финансирование высшего образования и науки. Нельзя было вызывать ассоциации с неприятной, демократической по сути и опасной для власти по форме деятельностью французских протестантов.

И потому наш всеми любимый канал «Культура» в понедельник в программе «Тем временем» соединил двух «коней» — недавно отправленного в отставку председателя ВАК (все, кто защищал диссертации, знают, с чем едят эту аббревиатуру) Месяца и еще раньше отставленного министра науки и технологической политики Салтыкова — с «трепетной ланью», телеведущим, автором проекта «Очевидное — невероятное» Николаевым. И когда эти «кони» строили друг другу глазки по поводу уме-

ния российской науки зарабатывать грантами на свои исследования, я вспомнила их подписи под сверхабсурдными документами, которые закрывали путь к получению этих самых грантов представителям региональных вузов, выдвигали маловыполнимые требования по поводу ведения учебных и научных занятий, откровенно подталкивая руководимую ими сферу к вымиранию.

И вдруг в субботней ночи наконец попытались соединиться политика и любовь. Политика — в виде мутно-дымных кадров надвигающейся в начале XX века войны; любовь — в виде обнаженного тела «дивы» (слово не мое, а ведущей программы «Премьера со зрителями» Кати Мцитуридзе) Хаматовой. Тело было использовано в разных позах, простите за цинизм, далеких от изысков Камасутры. Пафосные комплименты модных фигур нашей культуры растворились в уставшем от однообразия эфире.

Почти до двух часов ночи длилось медленное и нарочито хаотичное, в полном соответствии со стилистикой поздних фильмов А. Германа-старшего действо фильма А. Германа-младшего. Претенциозное название «Гарпастум» отсылало чуть ли не к античной традиции игры в мяч. И правда, кроме солдатских спин со штыками запомнились два растянувшихся на весь фильм кадры. О первом я сказала — это как бы о любви; а второй — это кучка парней на мостовой, пинающих мяч и бессмысленной безнадежностью действий вызывающих ощущение той самой скуки, от которой вроде бы и любовь, и политика избавляют.

А быть может, скука — это признак благополучия?

Татьяна ЗЛОТНИКОВА,
доктор искусствоведения.